

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК БИЗНЕС И ПОЛИТИКА

ВАСИЛИЙ ВАНЧУГОВ

*Профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор философских наук, ответственный редактор альманаха «Самопознание»,
заместитель главного редактора сайта «Русская idea»*

Своеобразное пособие по проблеме интеллектуализации сосуществования субъектов и систем «Умное управление для XXI столетия: Средний путь между Западом и Востоком»¹ Николаса Бергрюэна и Натана Гардельса, названное «The Financial Times» лучшей книгой 2012 года, вскоре было переведено на китайский, французский, испанский, португальский и немецкий языки.

Один из авторов этой книги — Бергрюен — обладатель состояния в \$2,5 млрд., своей бизнес-стратегией считает «ценностное инвестирование». Он вкладывает деньги в проекты, которые не только способны упрочить его финансовое положение, но и помогают локальным и глобальным сообществам избавляться от социальных проблем, то есть он занимается социально-ориентированными инвестициями. Своим примером Бергрюен являет полную противоположность конфуцианскому «низкому человеку», который в поступках руководствуется лишь сообщениями личной выгоды, повсюду ищет сообщников, но не уважает ни их, ни себя, домогается милостей, а, получив желаемое, забывает о благодарности. Бергрюен же подобен «благородному

мужу», он идеальный человек Конфуция, пример для подражания, культивирующий моральные ценности, знающий свои обязанности и действующий на благо общества. Но как при такой установке ему удастся процветать?

Среди его инвестиционных проектов собственный Институт — Nicolas Berggruen Institute, в который он вложил \$100 млн., формулирующий и продвигающий в глобальном масштабе план «разумного управления». Он полагает, что

политика нуждается в инвестициях, прежде всего, на основе доминирования ценностей, вытесненных прагматичным рассудком на второй план. Бергрюен пытается изменить подход к управлению США, ориентированных на двухпартийное соперничество, чья рациональность исчерпывается тривиальными бинарными оппозициями. В движении

**ПРИДЕРЖИВАЯСЬ
МЕРИТОКРАТИЧЕСКИХ
ПРИНЦИПОВ, «КРАСНАЯ
ДИНАСТИЯ» КНР ВЫВЕЛА
ИЗ-ЗА ЧЕРТЫ БЕДНОСТИ
БОЛЕЕ 300 МИЛЛИОНОВ
ЧЕЛОВЕК**

капитала Бергрюен усматривает символическое выражение диалога цивилизаций, так что собственное состояние он пытается использовать для инвестирования в культурную медиацию, стремится достичь положения медиатора — третьего, нейтрального, независимого лица, помогающего двум сторонам разрешить имеющийся конфликт, спор, утратившее конструктивность противостояние.

¹ *Intelligent Governance for the 21st Century: A Middle Way Between West and East.*

Его мировоззрение основано на компаративистике, преимущественно философской, что он поведал, в частности, отвечая на вопрос журналистки из «Chicago Tonight» (9 сентября 2013): «То, что я пытаюсь делать сейчас — это изучать западную и восточную философию сравнивая философские вопросы». С одной стороны он обнаруживает экзистенциализм (представленный у него Сартром и Ницше) с его фокусировкой на индивидуальном, с другой стороны — Конфуций и другие восточные мыслители, которые более интересуются общественным и идеей гармоничного мира. Берггрюен надеется «согласовать оба начала».

Диалог цивилизаций у него как религия, и Нуриэль Рубини, американский экономист, профессор экономики Нью-Йоркского университета, называет его установку «перекрестным опылением идеями через все границы». Главная цель, им преследуемая — последовательное преформатирование мира в «умное управление», а потому на базе своего Института (NBI) Берггрюен создал международную организацию «Совет XXI века» (The 21st Century Council), претендующую на роль «теневого правительства G20» — действующий форум «глобального управления», для обсуждения которого привлекаются бывшие главы государств, ведущие предприниматели и политические мыслители. И в последнее время в центре обсуждений все чаще присутствует китайская тематика.

Само собою, много внимания уделено Китаю и в книге «Умное управление для XXI столетия: Средний путь между Западом и Востоком», который лишь временами отступает на второй план, но чаще доминирует, что отражается и в названии глав, и в содержании всех разделов, посвященных анализу двух цивилизационных начал в контексте разумного управления. Везде Берггрюен следует установке, которую можно определить как *compare et cogitare* — сравнивая, познаем, чему типичный пример — глава «Либерально-демократический конституционализм и меритократия: возможности синтеза», где рассматриваются «качества» политической меритократии и выборной демократии как форм управления и анализируются взгляды западных мыслителей в контексте конфуцианских заповедей.

В названии книги присутствует излюбленное многими «между»: «между Востоком и Западом». Многие тешили и тешат себя надеждой найти «золотую середину», выйти на третий, истинный

Компаративистика — общее название совокупности сравнительных методов в различных областях гуманитарного знания. Философская компаративистика — область историко-философских и философских исследований, сравнительное изучение философских традиций Запада и Востока, включающее изучение философских школ, учений, систем, категориального аппарата и отдельных понятий.

путь. В том же направлении идут два «благородных мужа» — Берггрюен с Гардельсом. Говоря «Восток», они подразумевают «Китай», за которым давно уже закрепился геополитический «домен» «Восток».

Запад и Восток, что вместе сошлись в «Балладе о Востоке и Западе» Кипплинга («Запад есть Запад, Восток есть Восток»), в очередной раз сочетаются в книге Берггрюена и Гардельса в виде двух противоположных и взаимодополняющих начал, все пронизывающих в Поднебесной — от управления государством до отношений людей в быту, где Инь и Ян формируют «оптику» авторов, определяют их синтаксис и семантику.

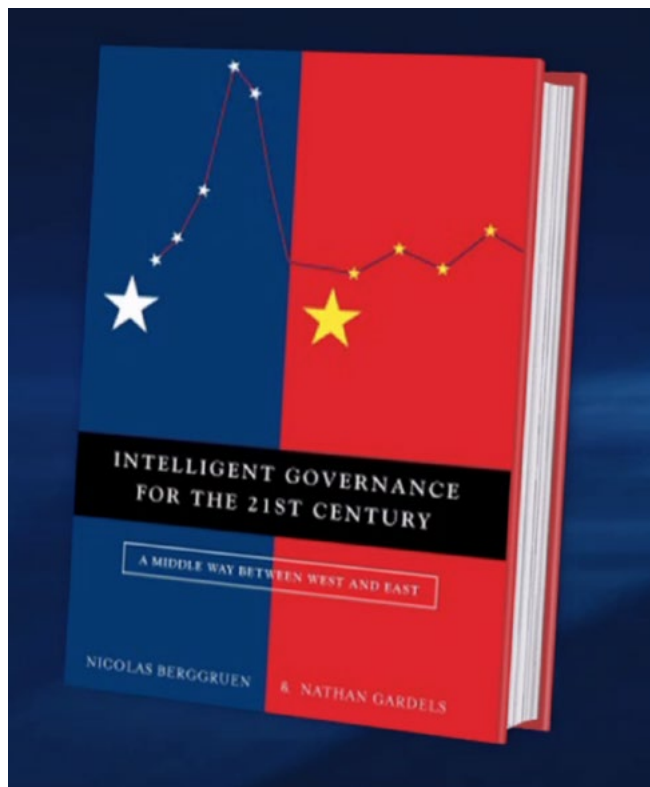
Но в то время как у Кипплинга Восток и Запад объединила война, то у Берггрюена и Гардельса их объединяет «сложность и разнообразие» мира. Они цитируют министра иностранных дел Сингапура Джорджа Ео (George Yeo), для которого Дао глубже, чем гегелевская философия, и выстраивают сопоставления по основным те-

мам и проблемам, предназначенным для направления мысли читателя в заданную авторами сторону. Например, если западная мысль (Гегель, Фукуяма) ведет к апологии конца истории, то восточная — к ее бесконечности, точнее, цикличности, где гармоничное сочетание индивидуального и коллек-

тивного, власти и свободы; западный разум склонен к дискретному видению мира, восточный — к континуальному, целостному.

Авторы заявляют о своем прагматизме, но также о принципиальной внеидеологичности, внепартийности и не собираются доказывать читателю, чья модель лучше, западная или восточная, а лишь хотят научить людей, населяющих указанные стороны света, используя их лучшие качества, облагородить политический климат

ДЕМОКРАТИЯ ДОЛЖНА СТАТЬ БОЛЕЕ РАЗУМНОЙ, А МЕРИТОКРАТИЯ — ОТКРЫТОЙ

посредством диалога цивилизаций. Диалог цивилизаций ведет к установлению баланса не только глобального, но и локального — внутри отдельных цивилизаций и «западная» демократия, и «восточная» меритократия — должны обрести гармоническое созвучие, представ как «разумная демократия» (knowledgeable democracy), «подотчетная меритократия» (accountable meritocracy).

Имеющаяся технология выборной демократии в условиях потребительского общества, считают авторы, обладает существенными изъянами. Культивирующее ее западное общество утрачивает способность к саморегуляции, что ведет его к неизбежному упадку. Зато Восток на подъеме: придерживаясь меритократических принципов, «красная династия» КНР, то есть коммунистическая партия, вывела из-за черты бедности более 300 миллионов человек, разумеется, без стратегии и долгосрочных инвестиций такое бы им не удалось. Меритократия, в отличие от демократии, ориентирована на долгосрочную перспективу, а вот западное демократическое общество ориентировано на то, что «здесь и сейчас», в лучшем случае на «завтра», но не «послезавтра», как то принято в Поднебесной с давних времен.

Основной посыл авторов книги — демократия должна стать более разумной, а меритократия — открытой. Первое на практике означает децентрализацию всей системы принятия решений, так что эти функции должны перейти к сообществам (коммунам) активных граждан, в соответствии с их проявленными компетенциями. Следует отказаться от прежней политической системы, ког-

да принятие важнейших решений делегировано периодически избираемым массами «представителям» ее мнений, делая отныне ставку на интеллектуального избирателя (intelligent electorate), который есть и основная часть, и связующее звено чаемой авторами «умной демократии». С другой стороны, меритократия должна стать подотчетной, что подразумевает контроль со стороны общества, контроль элит со стороны масс, но в пределах разумного. Меритократический принцип правления дает конструктивную независимость элиты, отказ от популизма, так широко распространенного в традиционных западных обществах, когда для избрания в органы власти массам обещается все, что приятно их слуху. В то время как «демократы» работают с «короткими» периодами, меритократы — с «долгими», долгосрочными социально значимыми проектами, избегая безответственных обещаний для народа, не обращая внимания на давление прессы, игнорируя «интересы дня», часто искусственно сформулированные оппонентами.

В итоге, выстроив цепь сопоставлений, указав на плюсы и минусы восточной и западной систем управления, авторы подводят читателя к идее о необходимости симбиоза, сосуществования в планетарном масштабе ответственной демократии разумного избирателя и подотчетной меритократии. Следуя заветам Берггрюена и Гардельса, демократия уходит от охлократии, поднимаясь, в лице своих интеллектуальных представителей, на ступеньку выше, а традиционная меритократия сознательно становится на ступеньку ниже, но не унижая при этом своего достоинства, понимая разумную необходимость глобальных структурных изменений в условиях современного общества. В итоге происходит взаимное сближение разумных политических деятелей, хотя и сохраняется дистанция, обусловленная функциональными особенностями «политического тела».

Авторы книги «Умное управление для XXI столетия» ратуют за интеллектуальное общество, для чего демократия должна поучиться у меритократии, а меритократия учесть опыт демократии. Но поскольку оба начала — обозначим их как «демократическое инь» и «меритократическое ян» — включены в круг всеобщего циклического обращения и изменения, и Запад и Восток есть проекция Великого Пути, то, в конечном счете, мы должны получить единое, где сочетается мудрая демократия и рациональная меритократия. Ну а если выразить замысел авторов предельно просто, то можно сказать, что они предлагают тип демократического общества, подразумевающего меритократию, или, еще короче, меритократию функционирующую внутри демократического сообщества.

Еще Томас Джефферсон, читая Вольтера, узнав от него о Конфуции, пришел в восхищение от китайской бюрократии, чья сила — в обучении и преодолении многочисленных экзаменов. Привлекательная она и для Берггрюена и Гардельса, о чем оба говорят не только в книге. Так в статье «Гугл в отношении к Конфуцию» заявлено, что «Китай может быть более открытым для фундаментальных политических реформ, чем Соединенные Штаты»². Они ссылаются на современных китайских интеллектуалов, указывающих на то, что Китай следует воспринимать именно как переходное состояние; переход от фазы первичного социализма к социализму более высокого уровня. Говоря о сущности современной меритократии, которой можно учиться на примере Китая, Берггрюен и Гардельс цитируют современных китайских сторонников учения Конфуция, утверждающих, что в посткоммунистическую эпоху, где главной целью является вывод страны на более высокую ступень развития, институты для своей легитимизации должны опираться на собственную традицию — меритократическое знание правящего класса.

Тут следует сделать небольшое отступление, чтобы обсудить связанный с управлением принцип, обозначаемый как меритократия. В середине прошлого столетия, благодаря антиутопии британского социолога Майкла Янга «Подъем меритократии»³, этот термин приобрел негативное значение. Роман представлял собою имитацию исторического исследования, созданного британским аналитиком в 2034 г., когда правительство под руководством лейбористов избавилось от «старой кастовой системы» и создало меритократический строй, где уже с детства отбираются талантливые личности и через соответствующее обучение вырастают в экономическую и политическую элиту. В итоге демократия становится формальностью, а разрыв между «достойными» и теми, кто внизу, увеличивается, в итоге назревает революция. А вот американский социолог Дэниел Белл в меритократии видел сподручное средство для демократии, применительно к постиндустриальному обществу⁴. Также в контексте этой темы особо следует упомянуть и канадца Дэниела А. Белла, профессора философии в Университете Цинхуа в Пекине (Tsinghua University in Beijing), автора трактата «Новое конфуцианство

В «Книге перемен» («И цзин») ян и инь служили для выражения светлого и тёмного, твёрдого и мягкого. В процессе развития китайской философии ян и инь все более символизировали взаимодействие крайних противоположностей: света и тьмы, дня и ночи, солнца и луны, неба и земли, жары и холода, положительного и отрицательного, гетного и негетного и т. д.

в Китае: политика и повседневность в изменяющемся обществе»⁵ и соавтора книги «Конфуцианский конституционный строй: как китайское прошлое может определить его политическое будущее»⁶. Когда осенью 2012 года коммунистическая партия Китая выбрала новых лидеров «за закрытыми дверями» и западные наблюдатели видели в этом типичный признак «авторитарного режима», где не спрашивают мнения миллиарда человек, которыми управляют, Дэниел А. Белл заметил другое: это политическая система, которая ориентирована на производительность, а не на популярность. Китай уже не является представителем классической диктатуры, он дает пример «доброкачественной меритократии»⁷.

Не удивительно, что именно Дэниел А. Белл является директором Института философии и культуры, одного из структурных подразделений Берггрюена. Он отвечает за продвижение идеи политической меритократии, согласно которой лидеры выбираются на основе их умений и добродетелей, что обнаруживается не только в китайской, но и в западной политической теории и практике, начиная с Платона, попытавшегося в своем проекте идеального государства определить стратегии для выбора лидеров, способных принимать интеллектуальные и морально правильные решения по широкому спектру проблем.

Заключительная глава книги Берггрюена и Гардельса называется «Выживание Запада», и для спасения Запада они у Востока заимствуют его мудрость, проявляемую прежде всего, в искусстве управления. При заявленном нейтралитете и надпартийности, авторы все же смотрят на все западное (американское) в контексте восточного (китайского). Штаты вызывают у них больше критических замечаний, чем Китай и, желая

2 Nicolas Berggruen and Nathan Gardels. *Google vs. Confucius*.

3 *The Rise of Meritocracy*/Michael Young/New Brunswick, 1958.

4 *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*/Daniel Bell/Basic Books (1976): «В этой книге я пытаюсь определить ее характер и отстаиваю идею «справедливой меритократии», или высокого статуса, который дается на основе личных достижений человека, пользующегося уважением равных»: Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004.

5 *China's New Confucianism: Politics and Everyday Life in a Changing Society*, Princeton University Press, 2008.

6 Jiang Qing, Daniel A. Bell. *A Confucian Constitutional Order: How China's Ancient Past Can Shape Its Political Future*, Princeton University Press, 2012.

7 Более подробно см.: Daniel A. Bell. *Political Meritocracy Is a Good Thing: The Case of China*.

сблизить Запад и Восток, они решают прежде научить Запад мудрости Востока. Последний, тем временем, сам движется навстречу Западу, используя все инструменты «мягкой силы», в том числе и глобальную сеть под названием «Институт Конфуция».

Сила Штатов — экономика, сила Китая — искусство управления. Авторам, при заявленном нейтралитете, явно симпатичны коммунистические мандарины. На протяжении тысячелетия в политической культуре Китая формировались чиновники, хорошо образованные и опытные, назначаемые на должности после успешной сдачи экзаменов. Подобные мандарины характерны и для современного Китая, который можно определить как рыночно-ленинско-неоконфуцианское государство. Члены компартии, делая карьеру, поднимаясь к вершинам социальной пирамиды, все без исключения, проходят сквозь множество «фильтров» (предварительная работа в провинциальных органах, партийные школы и пр.). Их выбирают внутри «корпорации» по достоинствам, а не по решению масс, элита подыскивает себе замену, отбирая достойных, тех, кого можно назвать, следуя традиции и отражая реалии, «красные мандарины». Нечто подобное мы находим и в планах Берггрюена, задумавшего инфраструктурные изменения для всего мира.

В ноябре 2013 г. представители «Совета XXI века», в рамках конференции «Постигая Китай», встретились с высшим китайским руководством. Во время этой встречи, как позже было сказано, «Совет» получил возможность «снять западные очки» и понять стратегию Китая, исходя из его собственной проекции. В частности, участниками встречи было отмечено, что китайские

лидеры не видят противоречия между экономической и общественной либерализацией с одной стороны и усилением политического контроля — с другой, что последнее является условием первого, что ослабление и ужесточение являются двумя необходимыми моментами единого процесса.

Хорошо зная западную систему и тонко понимая восточную, Берггрюен претендует на обретение «срединного пути», относительно которого в интервью «Chicago Tonight» он дал следующее пояснение: с одной стороны мы имеем Запад, где политики подотчетны, поскольку они избираются, и все они соучастники непрерывного соревнования. С другой стороны мы имеем Восток, например, Китай и Сингапур, которые функционируют как корпорации, где управление основано более на заслугах, которые не всегда очевидны и проверяемы, непрозрачны и неизмеримы. А потому можно создать такое управление, которое соединит в себе все лучшее из двух систем. Например, «средний путь», применительно к представительному органу, будет означать наличие двух палат, одна из которых сформирована за счет выбранных депутатов, а вторая — из назначенных. Таким образом, он призывает к тому, чтобы современные политические системы существовали как симбиоз демократии и меритократии. В итоге конструируется сообщество, в котором вершин бизнеса и политики, образования и науки достигают наиболее талантливые и трудолюбивые люди, при этом, в условиях глобальной экономики сохраняется и цивилизационное многообразие. Одним словом, «третий путь» Берггрюена приведет нас всех в давно чаемый «золотой век». Конечно же это очередная утопия, однако именно она пока и приносит Берггрюену и его команде реальную прибыль.